

ЕРЕСЬ

Церковь воспротивилась введению на Руси печатного дела, когда на Русь прибыли датские печатники. Высшее духовенство постаралось уберечь православное общество от козней датских «люторов».

Однако вскоре обнаружилось, что «люторская» ересь уже пустила корни на Святой Руси. Первым забил тревогу Сильвестр, подавший донос на сына боярского Матвея Башкина.

Матвей Башкин, по-видимому, служил во дворце, поскольку его духовником был Симеон, священник Благовещенского собора. Матвей вел дружбу с двумя дворцовыми аптекарями.

Подобно Сильвестру, Башкин осуждал рабство. Он сообщил духовнику Симеону, что освободил своих холопов и изодрал холопы грамоты. При следующей встрече Башкин показал Симеону книгу «Апостол», а в ней размеченные воском места, которые вызывали его недоумение. Предложенные им толкования показались духовнику «развратными», и Симеон поспешил за советом к Сильвестру. Тот испугался, что недоносительство на Башкина повредит его репутации. В июне 1553 г. Сильвестр явился в царские покои и в присутствии Алексея Адашева доложил Ивану IV о «новоявившейся ереси».

Иван призвал к себе Башкина и велел ему читать и толковать «Апостол». Ознакомившись с «развратными» взглядами Матвея, царь приказал посадить его в подклеть на царском дворе до подлинного сыска. Избежав тюрьмы, еретик попал в подвалы дворца.

Башкин проповедовал неслыханные идеи: он отрицал официальную церковь, называл баснословием Священное Писание. На допросе Башкин признал, что воспринял ересь от двух поляков — Матиаса, дворцового аптекаря, и Андрея Сутеева. Собеседники Башкина были протестантами.

Получив донос на Башкина, царь после совещания с наставниками велел пригласить в Москву Максима Грека и Артемия Пустынника. Распоряжение доказывало, что Сильвестр намеревался заслушать мнение самых авторитетных богословов России.

Артемий явился в Москву, но не пожелал участвовать в суде над вольнодумцами и без ведома властей тайно покинул столицу. Необдуманный шаг имел роковые последствия.

25 октября 1553 г. Иван Висковатый в присутствии царя и бояр открыто обвинил Сильвестра и Артемия в пособничестве еретику Башкину. В ноябре он составил доклад с перечнем обвинений против Сильвестра. Новые иконы Благовещенского собора, объявил дьяк, результат «злокозньств» еретика Башкина: «Башкин с Ортемьем совета, а Ортемей с Селиверстом».

Резкие нападки на Сильвестра объяснялись тем, что у Висковатого были могущественные покровители. При составлении своего «Писания» Висковатый использовал книги, полученные им от члена Ближней думы боярина Михаила Морозова и его свояка боярина Василия Михайловича Юрьева-Захарьина.

Обвинения встревожили Сильвестра. Он обратился к царю с посланием против «избных» (приказных) людей, впавших в бесстыдство.

Исход столкновения зависел от того, какую позицию займет глава церкви Макарий. Ответ митрополита Висковатому

был кратким и энергичным. «Стал еси на еретики, — заявил митрополит, — а ныне говоришь и мудрствуешь негораздо о святых иконах, не попадись и сам в еретики. Знал бы ты свои дела, которые тебе положены — не розроняй списков» (посольских бумаг). Макарий пригрозил дьяку, что тот может быть изгнан со службы.

Глава церкви четко выразил свое отношение к креатуре Захарьиных — Висковатому.

Становится понятным замечание Курбского о том, что Сильвестру удалось отогнать от царя Ивана «ласкателей» после того, как он «присовокупляет себе в помощь архиерея онаго великаго града» Москвы, иначе говоря, митрополита Макария.

Вот причина, почему Грозный ни словом не обмолвился о Макарии в своем отчете о кризисе 1553 г. Смертельная болезнь государя и династический кризис выдвинули фигуру митрополита на первый план. Если монарх в своем отчете о «мятеже» вообще не упомянул имени Макария, то лишь потому, что щадил его память. Он не стал обвинять пастыря церкви в том, в чем обвинял «изменных бояр», а именно во вражде к Захарьиным. Видимо, в 1553 г. Макарий, подобно Сильвестру, старался погасить раздор между Старицкими и Захарьиными, чтобы устранить опасность смуты.

Споры о ереси возродили прежний раздор. Розыск обнаружил, что ересь свила себе гнездо при дворе старицкого удельного князя. Главными сообщниками еретика были объявлены знатные дворяне Иван Тимофеевич Борисов-Бороздин и его брат. Они происходили из очень знатного рода тверских бояр и доводились троюродными братьями Евфросинье Старицкой. Оба служили в удельном княжестве и были видными придворными князя Владимира Андреевича. Враги Старицких не прочь были использовать момент, но Сильвестр и Макарий не дали разжечь пожар.

Следствие по делу Башкина и Борисовых было передано осифлянам. Башкин в конце концов сознался, что называл иконы «идолами окаянными», хулил самого Христа. Видимо, эти

признания были получены под пыткой. У обвиняемого помутился рассудок: он «язык извезя, непотребная и нестройная глаголаша на многи часы, и потом в разум прииде». Матвей Башкин был брошен в тюрьму, Иван Борисов сослан в монастырь на остров Валаам.

Церковные власти использовали суд над Башкиным, чтобы окончательно избавиться от нестяжателей. Отказ старца Артемия от участия в расправе с еретиками власти расценили как доказательство его причастности к ереси. На суде Башкин в расспросе «на старцов заволских говорил, что его злобы (еретических взглядов) не хулили (старцы) и утверждали его в том». Возражая судьям, Артемий с полным основанием указывал, что ребяческие речи Башкина невозможно подвести ни под одну известную и осужденную святыми соборами ересь.

Вопрос о наказании еретиков был одним из главных пунктов, разделявших Артемия и его гонителей. Побуждая царя к размышлениям, старец писал в одном из посланий к нему: не следует спешить с осуждением, если кто «от неведения о чем усумнится или слово просто речет, хотя истину навькнути». Старец возражал против казни еретика Башкина и его единомышленников. После бегства в Литву он писал: «Неподобно есть христианом убивати еретичествующих, яко же творят ненаучении, но паче кротостию наказывати противящаяся и молитися о них, да даст им Бог покаяние в разум истины възникнути».

Точка зрения осифлян была противоположной. Один из сподвижников Иосифа Волоцкого, архиепископ Геннадий, в свое время дал собору на еретиков такой совет: «С еретиками таки бы о вере никаких речей с ними не плодили, токмо для того учинити собор, чтобы их казнити — жечи да вешати».

Иосиф Санин свое главное сочинение «Просветитель» посвятил наставлениям и советам, как искоренить ересь на Руси. Затеяв гонения на еретиков, осифляне постарались приобщить Ивана IV к идейному наследию Санина. Епископ Нифонт Кормилицын отклонил просьбу старцев Иосифова монастыря о передаче им бывшей у него рукописи «Просветитель» на том

основании, что «митрополит ея емлет и четет, да и царь князь великий ея имал и чел». Самодержец ежечасно подвергался влияниям с самых разных сторон. Прилежный ученик черпал премудрость из источников, которые ему предлагали, как прилежный ученик.

Вероятно, Артемию удалось бы оправдаться, но с наветами против него выступили игумен Кирилло-Белозерского монастыря, старцы Ферапонтова и Троице-Сергиева монастырей. В защиту его выступили епископ Рязанский Касьян и соловецкие старцы. (За это Касьян был лишен сана.) В январе 1554 г. собор отлучил Артемия от церкви и сослал на вечное заточение в Соловки.

Власти готовили суд над «сообщниками» Артемия — Феодосием Косым и Вассианом. Но тем удалось бежать из-под стражи и скрыться в Литве. Там же нашел прибежище и Артемий. За рубежом он сохранил непоколебимую верность православию. Некоторые из беглых московских еретиков, напротив, перешли в протестантскую веру. Один из новообращенных заслужил в Литве славу «второго Лютера или, скорее, Цвингли». «Второй Лютер» рассказывал, что в Москве он был приговорен «советом епископов» к сожжению на костре, но царь Иван отменил смертный приговор и приказал освободить еретика из тюрьмы. Показание московского «лютера» проливает свет на роль монарха в затеянных осифлянами процессах. Иван хорошо усвоил мысль о том, что провинившиеся монахи достойны сурового наказания, но не смерти. В послании Курбскому он писал: «И во отрехшихся от мира наказания, аще и не смертью, но зело тяжкая наказания, колми же паче в царствие подобает наказанию злодейственным человеком быти».

Три года Сильвестр подвергался нападкам Висковатого, пока митрополит не защитил его от обвинений в ереси. Спасаясь от наветов, Сильвестр отмежевался от Артемия Пустытника. Позиция наставника оказала решающее влияние на царя Ивана. Он не мог выступить против решения Священного собора и заступиться за Артемия, у которого учился богословию. Но он не позволил сжечь мнимых еретиков.